

ПРИДВОРНЫЕ КРУГИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1773—1775 ГОДОВ

И. Г. Рознер

Процесс разложения крепостнической системы в России во второй половине XVIII в., развитие в ее недрах нового, капиталистического уклада неизбежно вызывали усиление классовой борьбы. Рост антифеодального движения народных масс ставил перед господствующим классом вопрос о методах дальнейшего упрочения своей власти. Еще в царствование Елизаветы Петровны при дворе обозначились две группировки, по-разному решавшие эту проблему. Расхождения между ними усилились перед лицом назревавшей угрозы массового крестьянского антифеодального восстания. Осью разногласий практически являлся крестьянский вопрос.

Представители одной из группировок (условно назовем ее «аристократической», ибо она защищала преимущественно интересы старой родовой знати, крупнейших землевладельцев-аристократов: Панины, Воронцовы и др.) считали возможным ослабление зависимости крестьян и постепенное их освобождение в отдаленном будущем (правда, без земли или с ничтожными участками и за большой выкуп), превращение крестьян с целью стимулирования их хозяйственной заинтересованности в арендаторов-предпринимателей. В наиболее законченном виде эта программа была изложена в сочинениях кн. Д. А. Голицына и в проекте кн. С. В. Гагарина¹. Коротко она была выражена княгиней Е. Р. Дашковой (Воронцовой), будущим президентом Российской Академии наук. «Богатство и счастье крепостных людей,— писала она,— составляет единственный источник нашего собственного благополучия и материальной прибыли; при такой аксиоме надо быть дураком, чтобы истощать родник личного нашего интереса...»². Это заявление как нельзя лучше говорит о том, что авторы подобных проектов, проявляя «заботу» о крестьянах, имели в первую очередь в виду увеличение своих собственных доходов. Идеологи этой группировки полагали, что только путем осуществления предлагаемой ими программы реформ можно увековечить сословный строй и одновременно обеспечить дальнейшее экономическое и культурное развитие страны. В политической области они настаивали на ограничении самодержавной власти монарха коллегиальным аристократическим советом, на созыве центрального представительного учреждения с совещательным голосом для выработки новых сводов законов. Лидеры «аристократической» группировки были даже не прочь иногда поддерживать тех деятелей культуры, просветителей, которые оказывали самодержавию растущее сопротивление, например, Н. И. Новикова и даже А. Н. Радищева.

Представители же другой придворной группировки, которую можно условно именовать «дворянской», ибо она состояла из новых, «неродовитых» аристократов (братья Орловы, З. Чернышев и др.) и опиралась на среднее дворянство, решительно выступали против подобных реформ, прежде всего в крестьянском вопросе. Они настаивали на расширении среднего дворянского землевладения, на распространении крепостного права на новые категории «свободного» населения, на усилении личной зависимости крестьян, на увеличении власти помещиков над ними, ратовали за расширение прерогатив абсолютной власти монарха, усматривая в этом единственный способ укрепления дворянской диктатуры и обеспечения своих сословных привилегий.

¹ См. «История русской экономической мысли». Ч. I. М. 1955, стр. 519—531; В. Н. Бернадский. Очерки по истории классовой борьбы и общественно-политической мысли в России в XVIII в. «Ученые записки» Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 229. 1962, стр. 114—120.

² «Записки княгини Е. Дашковой». СПб. 1907, стр. 95—96.

Идеалом этой «дворянской» группировки являлся «просвещенный абсолютизм»³. К разногласиям по внутриполитическим вопросам между двумя основными придворными группировками с середины XVIII в. прибавились серьезные расхождения в определении характера внешней политики России. «Аристократическая» высказывалась против активных внешнеполитических действий, в первую очередь против войн, подрывавших, по ее мнению, и без того ослабленные внутренние устои государства⁴. На передний план представители этой группировки выдвигали дипломатическую деятельность, предлагая ограничиваться такими территориальными приобретениями, которые не грозили бы войной. «Дворянская» группировка, наоборот, была горячей сторонницей наступательного внешнеполитического курса. Приобретение земель на юге, раздача их помещикам казались ей лучшим средством укрепления феодально-крепостнического строя.

Как только султанская Турция объявила 25 сентября 1768 г. войну России, борьба между придворными группировками вспыхнула с новой силой. «Аристократическая», возглавляемая Н. И. Паниным, считала внутриполитическое положение в стране слишком непрочным для того, чтобы вести войну, и предлагала любой ценой избежать ее. Представителям «дворянской» группировки, Орловым и др., наоборот, победоносная война представлялась предприятием своевременным, сулящим расширение территории России на юге, усиление ее влияния на Балканах и разрядку внутри страны. Но уже первые месяцы военных действий показали, что война связана с огромными трудностями, которые лягут главным образом на плечи народа и приведут к росту его недовольства. Именно в это время Н. И. Панин все настойчивее предлагает учредить совет при императрице. Екатерине II пришлось пойти на это, разумеется, в виде чрезвычайной и временной меры. В обязанность совета вменялась координация решений важнейших военно-дипломатических и финансовых вопросов. В состав совета вошли Н. И. Панин, К. Г. Разумовский, А. М. Голицын, Г. Г. Орлов, М. Н. Волконский, З. Г. Чернышев. Новый орган, который был составлен Екатериной II из представителей обеих группировок при дворе, так сказать на «паритетных» началах, носил чисто совещательный характер. Право окончательного решения по каждому вопросу Екатерина II оставляла за собой.

Как и следовало ожидать, совет стал ареной борьбы обеих группировок. Это обстоятельство обратило на себя внимание иностранных наблюдателей. В декабре 1769 г. английский посол лорд Каскарт доносил «весьма секретно» своему правительству, что «совет, учрежденный по желанию графа Панина для предупреждения неожиданных событий, ...не более как совет для обсуждения и совещаний, где всякий имеет право заявлять свои мнения и доводы; императрица решает дело и сообразно с этим решением издает повеления». Далее Каскарт заметил, что когда некоторые вопросы вызвали несогласие между членами совета, то для улаживания «обыкновенно требовалось много времени и хлопот». В заключение посол сообщал, что разделение на две группировки существует не только в совете, но и во всем государственном аппарате и в армии: «Как в армии, так и в совете заметно... общее разделение на партии, так как у каждого генерала... свой особый покровитель, и то же... в нисходящих чинах»⁵. Разногласия при дворе приобрели широкую огласку. Как доносил тот же Каскарт, Н. И. Панин свои надежды связывает с интронизацией цесаревича Павла, «питает отеческую нежность к великому князю, который никогда не показывается без него». Граф же Г. Г. Орлов, продолжал он, «взыскан милостью,

³ Понятие «просвещенный абсолютизм» в нашей литературе трактуется различно (см. «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». Сборник статей. М. 1964; А. Н. Чистовиков. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма. «Вопросы истории», 1968, № 5; А. Л. Шапиро. Об абсолютизме в России. «История СССР», 1968, № 5. Выказанная А. Л. Шапиро точка зрения нам кажется наиболее приемлемой).

⁴ «Государство наше,— писал, например, царевич Павел, несомненно под влиянием своего воспитателя Н. И. Панина,— будучи в беспрестанных движениях (войнах.— И. Р.) с царствования государя Петра I, zaczynaет приходить в некоторую слабость, которую, как ее самую, так и ее следствия, предупредить должно, дабы все здание или весь корпус не рушился, как ослабевшее от многих припадков тело» (Д. Кобеко. Цесаревич Павел Петрович. СПб. 1887, стр. 175).

⁵ «Сборник Русского исторического общества» (Сб. РИО). Т. XIX. СПб. 1876, стр. 20—22.

дружбой и доверием императрицы в высочайшей степени и вполне открытым образом»⁶.

Учредив совет, Екатерина II, хотя покровительствовала «дворянской» группировке, фактическим главой которой она являлась, продолжала афишировать свое «расположение» к Н. И. Панину и его сторонникам. Его брат, генерал П. И. Панин, который жил в Москве и которого императрица считала главой московской оппозиции ее двору, был назначен командующим Второй армией на русско-турецком фронте. Однако Екатерина, по словам нового английского посла Г. Гуннинга, не могла простить Н. И. Панину его желания возвести на трон Павла. Гуннинг сообщал о стремлении императрицы удалить Панина от двора⁷. Но такой шаг в отношении главы «аристократической» партии оказался делом не простым хотя бы потому, что за годы русско-турецкой войны влияние ее значительно возросло.

Под давлением Н. И. Панина Екатерине II пришлось все же удалить летом 1772 г. Г. Орлова от двора. Теперь Н. И. Панин добивался введения в состав совета при императрице своего брата П. И. Панина, рассчитывая тем самым укрепить свое положение. «Полагают,— давал знать Гуннинг 11 (22) сентября 1772 г.,— что... возвращение такого решительного человека, как он (П. И. Панин.— И. Р.), усилит значение его брата и даст ему возможность, не встречая более сопротивления любимцев (Орловых.— И. Р.), достигнуть всех целей, признаваемых им полезными»⁸. Но Екатерина II явно не спешила с назначением П. И. Панина. К тому же к концу 1772 г. как внутренняя, так и международная обстановка несколько разрядилась. Антифеодальные восстания на Яике, Волге, Дону были временно подавлены, возобновились мирные переговоры с Турцией.

Поэтому при первой же возможности, используя в качестве подходящего предлога усиление антирусских настроений в Швеции, Екатерина II поспешила вернуть ко двору Г. Орлова. Дело в том, что, утвердившись в результате государственного переворота 19 (30) августа 1772 г. в качестве абсолютного монарха, король Густав III заявил о своем стремлении вернуть утраченные Швецией в начале XVIII в. владения в Прибалтике. Для предотвращения возможного вторжения шведской армии было решено увеличить численность русских войск в этом районе, а на пост командующего армией в Эстляндии назначить Г. Орлова. Возвращение его ко двору вызвало бурную реакцию со стороны цесаревича Павла и группировки, возглавляемой Н. И. Паниным, о чем писал в Лондон Гуннинг, предвидя, что «единственной жертвой такого оборота дела вероятно будет г. Панин»⁹. Чтобы отстранить последнего от Павла и усилить свое влияние на сына, Екатерина II хотела его женить.

Тогда группировка Н. И. Панина стала готовить заговор с целью возведения на престол Павла. Ему предложили подписать «конституцию». Павел сделал вид, что согласен на учреждение при нем совета, подписал акт и изъявил желание принять участие в заговоре. Однако обстоятельства дела стали известны Екатерине. «Она призвала к себе сына и гневно упрекала его. Павел испугался и принес матери список всех участников. Она сидела у камина. Взяв список, не взглянув даже на него, бросила бумагу в огонь, сказав: «Я не хочу знать, кто эти несчастные»¹⁰. Она уже знала их имена! М. Н. Волконскому было приказано не спускать глаз с генерала П. И. Панина, которого императрица считала своим «первым врагом» и «себе персональным оскорбителем». Накануне свадьбы Павла она под предлогом, что теперь он достиг совершеннолетия (ему шел 19-й год) и более не нуждается в воспитателе, отстранила от него Н. И. Панина, щедро вознаградив его, и приказала ему немедленно покинуть дворец. Итак, «аристократическая» группировка потерпела поражение, а «дворянская» торжествовала. Екатерина в октябре 1773 г. с удовлетворением говорила, что теперь уже окончательно «дом ее очищен».

В тот момент, когда борьба между группировками при дворе достигла апогея, на далеком Яике 18 сентября 1773 г. началось новое грандиозное восстание, которое

⁶ Там же, стр. 14—15.

⁷ Там же, стр. 297—298.

⁸ Там же, стр. 319—320.

⁹ Там же, стр. 339—340.

¹⁰ Д. К о б е к о. Указ, соч., стр. 103—104; «Записки Фон-Визина». Лейпциг. 1859, стр. 50.

переросло вскоре в крупнейшую в истории России Крестьянскую войну¹¹. Известие о восстании было доставлено в Петербург специальным курьером только 14 октября. Повстанцы к тому времени уже осадили Оренбург. Екатерина II тотчас приняла меры: она издала рескрипт на имя казанского и оренбургского губернаторов, в котором извещала их об отправке для подавления «мятежа» опытного военачальника — генерала В. А. Кара и велела оказывать ему всяческую помощь¹². Кару было приказано возглавить войска и «учинить над оным злодеем поиск и стараться как самого его, так и злодейскую его шайку переловить и тем все злоумышления прекратить». 15 октября Екатерина II поставила вопрос о мерах по подавлению восстания на чрезвычайном заседании совета. «В присутствии ее императорского величества, — гласит официальный протокол заседания, — президент Военной коллегии, граф Чернышев, читал в совете: 1) полученный вчера рапорт оренбургского губернатора от 28 сентября, которым... доносит о возмущении принявшим имя покойного императора Петра третьего и беглым донским казаком Пугачевым илецких селений, о приближении его по взятии двух укреплений к Оренбургу, о принятых им против него возможных мерах и о сообщении им о том в Казань и Тобольск». Далее был зачитан рапорт казанского губернатора «о сожжении уже тем самозванцем третьей крепостцы, так же и совершенном недостатке в Казани военных людей», письмо «управляющего Москвою» кн. Волконского об отправлении им в помощь казанскому губернатору 300 солдат с пушкой, указ «посланному прошедшей ночи в места возмущения генерал-майору Кару, которым поручается ему укротить оное», а оренбургскому и казанскому губернаторам оказать ему всемерную помощь¹³.

Весть о новом восстании на Яике была тем более тревожной для Екатерины, что началось оно под знаменем Петра III, могло рассматриваться как движение в пользу Павла и таким образом внести разлад в среду дворянства. В этой ситуации о полном удалении Н. И. Панина и его сторонников от государственных дел нельзя было и думать. Правда, тогда Екатерина еще не вполне ясно оценивала значение восстания. После окончания чтения рапорта оренбургского губернатора она спросила мнение членов совета насчет того, «достаточно ли вышеописанные на первый случай учиненные распоряжения, и повелела, чтоб для отвлечения народа от сего возмутителя скорее заготовлен, здесь напечатан и в тамошних местах чрез реченного генерал-майора (Кара. — И. Р.) обнародован был манифест». Члены совета старались успокоить императрицу, признав «принятые меры достаточными», поскольку, как они уверяли, «сие возмущение не может иметь следствий, кроме что расстроит рекрутский набор и умножит ослушников и разбойников, что возмутители не могут овладеть Оренбургом, если внутри того города измены не будет». Другие, менее оптимистично настроенные, считали, что повстанцы «чаятельно более пойдут... от Оренбурга не к Казани, как там опасаются, но к Дону, где, может быть, надеются усилить свое общество». Мнение последних разделял и Н. И. Панин. Он указывал, что восстание нельзя недооценивать: оно может охватить не только донских казаков, но и народы окраин империи. Чернышев, возражая Панину, полагал, что донцев опасаться не следует. Екатерина все же склонилась на сторону Панина. Поэтому было решено «отправить тотчас о предосторожности указы на Дон, во Вторую армию и к генерал-поручику Демедему (де Мемеду в Кизляр. — И. Р.) и умножить скорее на Дону число войск»¹⁴.

Царское правительство старалось скрыть полученные с Яика известия от широких масс и от дипломатов. Но весть о восстании вскоре стала всеобщим достоянием. Гуннинг, например, в конце октября 1773 г. докладывал графу Сэффолку: «На днях происходило экстраординарное заседание совета, как говорят, вследствие полученных известий о новом восстании в земле войска Донского и в Оренбургской губернии... Хотя здешний двор усиливается сохранять это в глубочайшей тайне, тем не менее повсюду стало известно, что один казак воспользовался неудовольствием Оренбургского края для того, чтобы выдать себя за покойного императора Петра III, и число последователей этого претендента так велико, что произвело опасное восстание этих губер-

¹¹ И. Г. Рознер. Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Л. 1966, стр. 40—60.

¹² Сб. РИО. Т. XIII. СПб. 1874, стр. 363.

¹³ «Архив Государственного совета». Т. I. СПб. 1869, стр. 437—438.

¹⁴ Там же, стр. 439.

ний»¹⁵. При сложившемся положении Н. И. Панин более чем когда-либо старался опереться на цесаревича Павла. Он надеялся увеличить популярность последнего среди дворян в ущерб Екатерине и Орловым. Павел охотно шел на это. Орловы, обеспокоенные успехами сторонников Панина, при молчаливом согласии царицы были готовы делать все, чтобы избавиться от своих противников. Борьба при дворе снова обострилась. Как сообщает Гуннинг, когда Павлу подали за ужином блюдо сосисок и в нем оказалось множество осколков стекла, цесаревич с величайшим раздражением заявил, что «этот случай доказывает ему намерение его отравить»¹⁶. Екатерина же объяснила этот инцидент не чем иным, как желанием спровоцировать скандал и придать ему широкую огласку.

Быстро разразившееся на Яике восстание заставило Екатерину II иначе посмотреть на события. Особенно встревожило ее и всю господствующую верхушку известие об осаде повстанцами Оренбурга и о разгроме ими армии генерала Кара. В конце ноября 1773 г. был получен рапорт Кара о неудаче его экспедиции. В ноябре совет семь раз собирался для обсуждения дел, касавшихся восстания Пугачева. Московский главнокомандующий М. Н. Волконский опасался, что войск, посланных для пресечения «распространяющегося зла, злодея-бунтовщика донского казака, который час от часу сильнее становится», недостаточно, и предлагал отправить новые полки, дабы «сие зло до дальнейшего распространения не допустить». «Бог весть, чем сие кончится»¹⁷, — писала Екатерина II Волконскому. На заседании совета при дворе 25 ноября 1773 г. Чернышев предложил немедленно отправить к Оренбургу более крупные силы. Кара Екатерина II решила сместить. Как доносили вскоре из Москвы Волконский, напуганные восстанием дворяне яростно поносили неудачливого генерала, называли его трусом и говорили между собой: «Какой это генерал, что не мог с такими бездельниками управиться и сам сюда ушел! Его бы надо повесить!». На том же заседании совет вынес решение «на посылку еще к Оренбургу войск сколько можно более [и] признавал за нужное отправить туда также и именитого генерала»¹⁸. Выбор пал на А. И. Бибикова. На заседании совета 28 ноября Чернышев объявил, что «посылаются к Оренбургу новые войска в подкрепление прежде посланных..., один гренадерский, один карабинерный и один гусарский полк, да пятьсот чугуевских казаков, кои возвращены будут из Польши».

Убедившись в серьезности развернувшихся на Яике событий, придворные круги не на шутку испугались. Распри между группировками в какой-то мере были забыты перед лицом грозного врага — восставшего народа. Генералу Бибикову давались чрезвычайные полномочия и предлагалось «по приезде в том краю обнародовать манифест». Г. Орлов и Чернышев, желая во что бы то ни стало скрыть действительные размеры восстания, протестовали против сравнения его в манифесте со «смутой» начала XVII в., доказывая, что «тогда все государство было в смятении, а ныне одна только чернь, да и то в одном месте, и что такое сравнение может привести на память столь неприятное происшествие и возгордить также мятежников». Императрица объяснила, что ей «пришло на мысль велеть сделать такое уподобление, дабы более возбудить омерзение к возмутителю», но согласилась с тем, чтобы изменить эту фразу. Кроме того, Бибикову было приказано объявить вознаграждение за поимку Е. И. Пугачева¹⁹. В конце декабря во многих губерниях и провинциях — Казанской, Нижегородской, Астраханской, Исетской и других — предлагалось «во всенародное известие» постоянно зачитывать правительственные указы, в которых Пугачев изображался разбойником и самозванцем. Правительственные круги пытались запугать народ жестокими репрессиями за поддержку повстанцев. Екатерина II называла восстание Пугачева «политической чумой»²⁰.

Возглавляемая Н. И. Паниным группировка предлагала Екатерине II устранить от руководства подавлением восстания сторонника Орловых, президента Военной коллегии З. Г. Чернышева, поручить это дело Н. И. Панину. Одновременно лидеры этой

¹⁵ Там же, стр. 265—276.

¹⁶ Сб. РИО. Т. XIX, стр. 389.

¹⁷ «Осьмнадцатый век». Кн. I. М. 1868, стр. 100—102.

¹⁸ «Архив Государственного совета». Т. I, стр. 442.

¹⁹ Там же, стр. 442—444.

²⁰ Там же.

группировки продолжали настраивать Павла против матери, о чем свидетельствует одно из донесений Гуннинга от декабря 1773 года²¹. Вместе с тем деятели указанной группировки отдавали себе отчет в том, что теперь, когда крестьянское восстание приняло широкий размах, вряд ли время раздувать страсти. Любый неосторожный шаг мог повлечь за собой губительные для всего дворянства последствия, и поэтому обе группировки стали стремиться к внешнему примирению, что должно было продемонстрировать «полное единство» придворных кругов. Уже 7 января 1774 г. Гуннинг «весьма секретно» сообщал графу Сэффолку: «Нерасположение великого князя к князю Орлову не только заметно уменьшилось, но даже кажется, что он принимает его с радостью... До тех пор, пока продолжается (Крестьянская.— И. Р.) война,— заключал Гуннинг,— не думаю, чтобы г. Панин вышел в отставку и был удален с занимаемой должности»²².

Итак, опасность расширения Крестьянской войны привела к временному примирению дворянских группировок. В такой сложной обстановке, по мнению Екатерины II, не следовало оказывать предпочтения ни одной из них. В то же время она решила избрать себе такого помощника, который открыто не принадлежал ни к одной из этих группировок. Выбор ее пал на Г. А. Потемкина, который призван был сыграть роль своеобразного «нейтрализатора» в борьбе придворных группировок. Н. И. Панин положительно отнесся к возвышению Потемкина, надеясь использовать его против Орловых. Потемкин (возможно, не без санкции императрицы) искал поддержки у Панина и его сторонников. «Новый любимец,— писал Гуннинг в марте 1774 г.,— вероятно, сознавая, что положение, им занимаемое, не может быть приятно Орловым, кажется, усердно ухаживает за г. Паниным, надеясь этим путем победить нерасположение великого князя к его повышению, со времени которого императрица, как говорят, удвоила внимание к его императорскому высочеству (Павлу.— И. Р.) и особенно отмечает г. Панина, по-видимому, весьма довольного всем этим делом»²³.

Весна 1774 г. ознаменовалась новым мощным подъемом Крестьянской войны, антифеодальными выступлениями масс в центре государства и на окраинах. В мае Е. И. Пугачев во главе повстанческого войска овладел Магнитной крепостью, оттуда двинулся к Троицкой, а затем к Красноуфимску, всюду встречая поддержку со стороны крестьян, заводского населения, городской бедноты, местных народностей. Движение явно грозило перебраться на правый берег Волги, откуда недалеко было и до Москвы. 8 мая 1774 г. в совете были оглашены рапорты «о возмущении крестьян в Кадомском уезде» (400 верст от Москвы), а 22 мая — «о желании дворянства Шацкой провинции вооружить своим иждивением, по примеру казанского, конную команду и употребить половину оной против оренбургских мятежников, а другую оставить для искоренения в их провинции разбойников»²⁴. Народ, как доносили представители местных властей, всюду с нетерпением ожидал Пугачева.

Все это заставило Екатерину решиться на еще одну важную меру: ограничить полномочия руководителя Военной коллегии Чернышева. Недовольство им и Орловыми проявлялось и в армии. Как доносил М. Н. Волконский Екатерине II 6 февраля 1774 г., сержант Владимирского полка Ф. Мухин говорил в Москве, что теперь «и государыня уже трусит..., то в Раненбом (Ораниенбаум.— И. Р.), то туда, то сюда ездит, а графов Орловых и дух уже не помянется»²⁵. В мае 1774 г. Екатерина II назначила Потемкина вице-президентом Военной коллегии, а в июне — товарищем Чернышева, то есть предоставила почти равные с ним права. Это, как писал Гуннинг, «озаботило Орловых больше, чем все предыдущее. По этому поводу между ней и графом (Г. Орловым.— И. Р.) произошло нечто более простого объяснения, а скорее горячее столкновение»²⁶.

Теперь господствующему классу надо было думать о собственной безопасности и путях сохранения крепостнического строя, содрогавшегося под напором крестьянского восстания. Ведь к лету 1774 г. не оставалось сомнений в том, что Е. И. Пугачев

²¹ Сб. РИО. Т. XIX, стр. 394.

²² Там же, стр. 396.

²³ Там же, стр. 409—410.

²⁴ «Архив Государственного совета». Т. 1, стр. 451.

²⁵ См. Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники. Т. II. СПб. 1884, стр. 249.

²⁶ Сб. РИО. Т. XIX, стр. 415—416.

намерен направиться от Казани к Москве. 15 июля Гуннинг с тревогой сообщал: «Судя по последним известиям, он (Пугачев.— И. Р.), кажется, подвигается на Казань и на Москву, то есть к самому сердцу империи, где, как можно опасаться, он найдет много недовольных». К тому же Пугачев был теперь «сильнее, чем когда-либо»²⁷. Екатерина II в этих условиях назначила Потемкина старшим в совете и передала ему руководство Военной коллегией, наделив его, по сути дела, неограниченной властью²⁸.

Такой поворот не устраивал Н. И. Панина и его группировку. Однако в обстановке Крестьянской войны эта группа не решалась открыто высказывать свое недовольство. 21 июля была получена реляция М. Н. Волконского из Москвы о взятии восставшими Казани. К этому времени царские войска, направленные против Пугачева, оказались без военного руководства в связи со смертью Бибикова. Среди московских дворян царила неописуемая паника, а в Петербурге «преобладало общее уныние»²⁹. Екатерина II собрала на экстраординарное совещание совет, чтобы выяснить мнение его членов относительно дальнейших мер. Перепуганные члены совета находились, однако, в состоянии растерянности. Тогда обсуждалось предложение императрицы о возможности ее поездки в Москву с тем, чтобы этим актом поднять дух войска и дворянства и организовать скорейшее подавление восстания. В письме к брату Н. И. Панин описал поведение каждого из членов совета во время этого заседания. В своем намерении ехать в Москву Екатерина, по его словам, «подкрепляема была новым нашим фаворитом (Потемкиным.— И. Р.). Старый (Орлов.— И. Р.) с презрительной индифферентностью все слушал, ничего не говорил и извинялся, что он не очень здоров, худо спал и для того никаких идей не имеет. Окликанные дураки Разумовский и Голицын твердым молчанием отделались. Скаредный Чернышев трепетал между фаворитами, в полслова раза два вымолвил, что самой ей (Екатерине.— И. Р.) ехать вредно, и спешил записывать только имена тех полков, которым к Москве маршировать вновь повелено. Вице-канцлер (А. М. Голицын.— И. Р.) один по своей способности мои рассуждения открыто подкреплял». Сам Панин высказался против поездки императрицы в Москву. В заключение он сообщал брату о единодушном мнении членов совета «обождать Румянцева курьера с заключением мира» с Турцией³⁰. Совет принял решение: «1) послать в Москву сверх наряженных туда... два полка пехотных, один гусарский, один казачий и одну же легкую команду, да несколько пушек с потребным к ним числом артиллерийских служителей... 2) возбудить московское дворянство к набору на своем иждивении конных эскадронов, по примеру казанского, и 3) отправить в Казань знаменитую особу с такою же полною мочью, какую имел покойный генерал Бибиков»³¹.

В этот критический момент Панин и его сторонники решили предпринять попытку вернуть себе утраченное влияние путем назначения главнокомандующим войсками, действовавшими против повстанцев, генерала П. И. Панина. Сразу после заседания совета Н. И. Панин предложил Потемкину немедленно поставить этот вопрос перед императрицей. Потемкин не усматривал в назначении престарелого генерала никакой опасности ни для себя лично, ни для Екатерины. Вопреки ожиданию Панина им довольно легко удалось уговорить царицу. Решение назначить П. И. Панина главнокомандующим войсками по подавлению восстания символизировало как бы перемирие между двумя придворными группировками, которые любой ценой готовы были подавить движение народных масс и сохранить феодально-сословный строй в России в момент, когда «весь род всего дворянства терзаются внутренне и обливаются слезами, ужасаясь и ожидая с собою жребия, случившегося в казанском форштате»³². Но перемирие между придворными группировками отнюдь не означало мира. Екатерина, хотя и говорила накануне о своем расположении к генералу Панину, не торопилась с его назначением, опасаясь, вероятно, вручить ему неограниченную власть сразу в нескольких центральных губерниях страны.

²⁷ Там же, стр. 422.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 425.

³⁰ Сб. РИО. Т. VI. СПб. 1871, стр. 74—75.

³¹ «Архив Государственного совета». Т. I, стр. 454.

³² Сб. РИО. Т. VI, стр. 79.

24 июля 1774 г. в Петербург прибыл курьер с известием о подписании мира с Турцией в Кючук-Кайнарджи. На следующий день были получены сведения о переправе Пугачева через Волгу, «о бытии его в 80 верстах от Нижнего (Новгорода) и о обращении его потом к Аллату, также о... высылке из Москвы войск к Владимиру»³³. 29 июля Екатерина назначила генерала Панина главнокомандующим войсками против восставших, наделив его неограниченной властью в пределах только трех губерний — Казанской, Нижегородской и Оренбургской³⁴, и, как уверяет Гуннинг, сделала это «весьма неохотно»³⁵. В конфиденциальной записке Потемкину она объясняла, что опасается предоставить генералу Панину слишком большую власть в центре страны, не говоря уже о Москве, и что согласилась назначить его главнокомандующим только из-за боязни еще большего расширения крестьянского движения. Прилагая к своей записке письма П. И. Панина ей и его брату, Екатерина подчеркивала: «Увидишь, голубчик, из приложенных при сем штук, что господин граф Панин из братца своего изволит делать властителя с беспредельной властью в лучшей части империи, т. е. Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерниях, а *sous-entendu* (подразумевается. — И. Р.), есть и прочия; что если сие я подпишу, то не токмо князь Волконский (московский градоначальник. — И. Р.) будет и огорчен и смешон, но я сама ни малейше не сбережена, но гред всем светом первого враня и мне персонального оскорбителя (П. И. Панина. — И. Р.), побоясь Пугачева, выше всех смертных в империи хвалю и возвышаю»³⁶. По той же причине она отказалась выполнить просьбу Н. И. Панина о том, чтобы подчинить его брату Казанскую секретную комиссию во главе с П. С. Потемкиным (племянником Г. А. Потемкина) по расследованию причин восстания. На предложении Панина императрица наложила резолюцию: «Нет, для того, что она (комиссия. — И. Р.) подо мною»³⁷.

К началу августа 1774 г. повстанческое войско, окруженное превосходящими правительственными силами, оказалось прижатым к Волге. На подавление восстания были брошены и войска, освободившиеся после окончания русско-турецкой войны. Теперь Екатерина уже не обнаруживала желания вернуть Н. И. Панину и его сторонникам прежнее влияние. В письме к брату Н. И. Панин писал, что если бы не восстание Пугачева, то ничего не могло бы его удержать от немедленной отставки. Давая понять брату, что тот назначен главнокомандующим против воли Екатерины и только ввиду крайней необходимости и что царица теперь как бы мстит Н. И. Панину за это, он вместе с тем призывал брата добросовестно выполнить возложенную на него миссию по подавлению восстания, а затем подать в отставку³⁸. Это письмо еще раз подтверждает, что, несмотря на наличие противоречий в правящих кругах, когда речь шла о подавлении народного движения, они были едины и выступали сплоченным фронтом в защиту существовавшего строя.

Только ценой больших усилий царским войскам удалось 25 августа 1774 г. нанести окончательное поражение повстанческому войску, а затем в результате измены части казачьей старшины захватить в плен Е. И. Пугачева и его ближайших соратников, которые были казнены в Москве 10 января 1775 года. Народное движение было жестоко подавлено. Дворянство, смертельно напуганное Крестьянской войной, решительнее, чем прежде, выступало за укрепление абсолютизма и выражало недовольство трениями в придворных кругах, которые могли привести к ослаблению его диктатуры. Разногласия между двумя придворными группировками, усилившиеся накануне восстания Пугачева, перед лицом выступления народных масс отошли на второй план. Сам Н. И. Панин, хотя официально и сохранял свою должность до мая 1781 г., но уже никогда не играл прежней роли. Политическая же консолидация дворянства привела к дальнейшему укреплению его диктатуры.

³³ «Архив Государственного совета». Т. I, стр. 455.

³⁴ Сб. РИО. Т. VI, стр. 81—84.

³⁵ Сб. РИО. Т. XIX, стр. 452.

³⁶ Сб. РИО. Т. XIII, стр. 420.

³⁷ Там же, стр. 421.

³⁸ Сб. РИО. Т. VI, стр. 86—88.